

Глава 1. Прибытие злодея

Когда-то на Чжэн Цзиньфэна возлагали большие надежды.

Глава семьи Чжэн искренне желал, чтобы он, старший внук этого поколения, вывел их род на новую вершину. Однако теперь Чжэн Цзиньфэну уже за тридцать, и он больше десятка лет просиживает штаны в административно-хозяйственном отделе Министерства коммерции, с грехом пополам дослужившись лишь до начальника.

Тридцативосьмилетний мужчина с должностью начальника в какой-нибудь обычной семье считался бы весьма успешным, но в клане Чжэн этого старшего внука все в Пекине почитали за посмешище.

Чжэн Цзиньфэн ведь тоже по общей моде помотался несколько лет за границей, обзавелся дипломом со степенью магистра по двум специальностям, и скатиться до столь жалкого положения — это просто поразило воображение многих. Если бы не его внешность, поразительно напоминающая молодого деда, старейшина Чжэн и вовсе усомнился бы, а его ли это вообще кровь. Чжэн Цзиньфэн от природы обладал мягким характером, был неспособен принять хоть одно толковое решение, и даже когда в хозчасти проводились пустые плановые совещания, вести их приходилось его помощнику, а подчиненные вили из него веревки.

Словом, было очевидно, что толку из такого человека не выйдет, и сколько же людей в Пекине злорадствовали по этому поводу.

И вот у этого самого человека за всю жизнь выдалось аж два по-настоящему жестких поступка.

Первый — когда в пятнадцать лет он умудрился залететь с драгоценной дочуркой другого влиятельного пекинского семейства по фамилии Чэн и в конце концов привел Чэн Вэй в свой дом. Едва достигнув совершеннолетия, он выдержал колоссальное давление и официально зарегистрировал брак, став зятем-счастливчиком семьи Чэн. А второй случай — это та самая нашумевшая на весь Пекин история, прогремевшая не так давно.

И снова все было замешано на его жене Чэн Вэй: на сей раз он застукал ее с любовником в клубе! Тогда он как раз сопровождал на деловом ужине начальство из министерства, и, увидев благоверную, кувыркающуюся с каким-то мужиком, он просто остолбенел на месте. Чжэн Цзиньфэн, конечно же, не догадывался, что это разоблачение было подстроено. Его дядя, некогда занимавший пост министра коммерции, пошел на повышение в Постоянный комитет, но человек, изначально назначенный ему на замену, оказался бездарностью и погорел еще до вступления в должность, испачкавшись по вине клана действующего министра.

Семья Цзи, захватившая контроль над министерством коммерции, разумеется, не собиралась облегчать жизнь клану Чжэн. Бедная семья Чжэн всю жизнь пеклась о Чжэн Цзиньфэне, а теперь изо всех сил пыталась вытащить его из этого змеиного гнезда, да только Чжэн Цзиньфэн никак не хотел расставаться со своей должностью начальника. Он тянул время за временем, пока окончательно не превратился в удобную мишень для врагов.

Похождения Чэн Вэй на стороне с другими мужчинами в Пекине вовсе не были секретом, и, пожалуй, Чжэн Цзиньфэн оставался единственным, кто ни о чем не догадывался. Он любил за всю жизнь лишь одну эту женщину — с четырнадцати и до тридцати восьми лет его чувства не менялись, превратив ее из капризной принцессы в настоящую королеву.

До самой смерти он так и не понял, что само его существование, сам титул госпожи Чжэн были для Чэн Вэй источником вечного позора.

Да, Чжэн Цзиньфэн умер.

Стоило ему дать пощечину жене, как он тут же пожалел об этом, но слова извинения, которые он привык произносить по любому поводу, на сей раз никак не шли на язык. Он вовсе не был настолько слабохарактерным, чтобы растерять остатки самоуважения, просто его собственный мир был слишком мал, а удержание этой женщины стало для него едва ли не главной целью всей жизни, отбив всякое стремление к успеху в других сферах.

Но теперь, когда факты были налицо, Чжэн Цзиньфэн предстал перед всеми последней бездарностью, законченным неудачником! Под презрительными и насмешливыми взглядами окружающих Чжэн Цзиньфэн с пылающим от стыда лицом поволок жену домой. Чэн Вэй, застигнутая прямо в постели, не только не испугалась — жгучая боль от пощечины лишь ошеломила ее, а вспышка ярости и гнева заставила разразиться новыми оскорблениями:

— Я хочу с тобой развестись! Чжэн Цзиньфэн, с меня хватит твоего ничтожества! Ты мужчина или кто, если даже в постели не можешь меня удовлетворить?! Крик Чэн Вэй переходил в рыдания, а ее искаженное лицо больше ни капли не напоминало прежнюю трогательную беззащитность. В этот момент ее уже не волновали приличия — плевать она хотела на собственное лицо, содержать альфонса за свои деньги было бы куда лучше, чем оставаться с таким мужчиной, как Чжэн Цзиньфэн!

Чжэн Цзиньфэн раз за разом повторял лишь одно:

— Поехали домой...

Чэн Вэй была не в силах понять всю глубину его нынешней боли, точно так же, как он никогда не понимал тщеславия старшей госпожи Чэн, привыкшей быть баловкой судьбы.

Возможно, когда-то она и жаждала любви, а нежность и всепрощение Чжэн Цзиньфэна даже удовлетворяли ее мимолетное тщеславие. Но брак для женщины вроде нее являлся самой крупной покупкой в жизни — куда более значимой, чем те односезонные предметы роскоши из торговых центров, — это был товар, которым хвастались и который сравнивали друг с другом всю жизнь в их кругу.

— Я никуда не поеду! Я хочу с тобой развестись! Немедленно! Прямо сейчас!

— Поехали домой...

В ходе толчков и потасовки случайность с двумя потерявшими рассудок взрослыми уже едва ли можно было назвать просто случайностью.

Чжэн Цзиньфэна якобы случайно столкнули с лестницы, и когда он, окровавленный, с разбитой о выступ головой, с трудом поднялся на ноги, то даже попытался отыскать взглядом силуэт Чэн Вэй. Но ее глаза побелели от ужаса, из-за чего тот, на кого был устремлен этот взгляд, издал пронзительный, разрывающий сердце крик, а всего пару секунд спустя Чжэн Цзиньфэн потерял сознание.

Старейшина Чжэн услышал об этом происшествии лишь месяц спустя.

До этого никому и в голову не приходило беспокоить столь серьезным вопросом старика, находившегося в отъезде на совещании. Точно так же и теперь, месяц спустя, услышав об инциденте, старейшина не выказал на лице даже намек на беспокойство.

— Чьих рук на этот раз дело? — задал вопрос младший сын, сопровождавший старика на совещании, и по совместительству лидер нынешнего поколения семьи Чжэн — Чжэн Цзиньчэн.

В душе он кипел от гнева: пусть его старший брат и был бестолков, но за все эти годы он хотя бы не создавал проблем, а теперь из-за какой-то женщины он снова полностью опозорил семью Чжэн!

Чжэн Цзиньчэн бросил взгляд на отца, который сидел на заднем сиденье, опираясь обеими руками на трость, — даже в тесном салоне машины тот держался с прямой спиной, а его взгляд оставался холодным и жестким. Мужчина подавил поднимающуюся ярость.

Будучи преемником старейшины Чжэн, Чжэн Цзиньчэн с первого взгляда разглядел всю подоплеку, едва услышав предысторию случившегося. Вспомнив о неприятелях, которые круглые сутки следили за кланом Чжэн, он еще сильнее возненавидел своего старшего брата за то, что тот служил для семьи не иначе как дырой в стене фамильной крепости.

Ответил помощник Чжэн Цзиньфэна:

— Третий молодой господин, во всем уже разобрались. Это дело рук семьи Чжан. И кроме того... — Поколебавшись секунду, помощник всё же добавил: — Господин Гао Чжэньбан тоже оказался замешан.

— Гао Чжэньбан? — Чжэн Цзиньчэн на мгновение задумался, прежде чем сообразить, что речь идет о никчемном племяннике его собственной жены.

Он тут же произнес:

— Отец, прошу прощения, в этом инциденте есть и моя вина, я во всем разберусь.

На самом деле причины, побудившие Гао Чжэньбана вмешаться, угадывались без труда. Молодежь по природе своей легкомысленна, и поддаться на чье-то науськивание для него вполне обычно, а учитывая, что его тетка и Чэн Вэй вечно не ладили и презирали Чжэн Цзиньфэна, ее отношение неизбежно влияло на младшее поколение. Но если из-за этого был нанесен ущерб интересам семьи Чжэн... Как будущий глава, он ни за что не станет сидеть сложа руки.

Старейшина Чжэн кивнул, судя по всему, не слишком заботясь об этом, и лишь обронил:

— Цзиньфэну уже пора выписываться.

Помощник на секунду замер, но тут же ответил:

— Да, старейшина.

На самом деле Чжэн Цзиньфэн пострадал весьма серьезно: когда он летел с лестницы, его прямо в голову угодила упавшая сверху ваза, и, по словам врачей, до выписки оставалась еще целая неделя. Но раз уж старейшина пожелал увидеть его лично, у Чжэн Цзиньфэна не оставалось причин дольше оставаться в больнице.

Затем старейшина заговорил снова:

— Сяо Чэнь, все эти годы ты преданно заботился о Цзиньфэне. Я видел твои способности, и таскаться хвостом за моим бестолковым сыном для тебя лишь зря терять время. Юйцин как раз начал самостоятельные дела, а толкового человека рядом у него нет, так что ступай, помоги ему.

Чжэн Юйцин — старший сын Чжэн Цзиньчэна.

Помощник Чэнь помимо своей воли широко раскрыл глаза, дикая радость захлестнула его с головой, и он едва не потерял привычную сдержанность в голосе:

— Слушаюсь! Да, старейшина, я приложу все усилия!

Разве мог он сейчас вспомнить о том, что изначально собирался доложить старейшине: о том, что после пробуждения характер Чжэн Цзиньфэна кардинально изменился? Начиная с того момента он сделался угрюмым и молчаливым, а его привычка часами наблюдать за игрой в шахматы кучки старых, смертельно больных стариков казалась сущим пустяком по сравнению с тем, что он наконец-то дождался своего часа!

Он дождался этого дня! Наконец-то ему больше не придется тащиться позади этого глупца Чжэн Цзиньфэна и подтирать за ним сопли!

Пусть Чжэн Юйцин и уступал любимчику старейшины Чжэн Юйтину, но все же являлся выдающейся личностью в третьем поколении семьи Чжэн — он был неизмеримо лучше своего старшего дядюшки Чжэн Цзиньфэна!

На следующий день забирать Чжэн Цзиньфэна из больницы приехал лишь семейный водитель клана Чжэн.

Тот самый помощник Чэнь, который прежде вился вокруг него по первому зову, отныне навсегда исчез из поля зрения Чжэн Цзиньфэна. Впрочем, самого Чжэн Цзиньфэна это нисколько не волновало. Просто ему не доставало безопасного канала для познания этого мира.

Да, никто и подумать не мог, что тот самый человек, которого с таким трудом вытащили с того света, больше не является трусливым и никчемным Чжэн Цзиньфэном — теперь в его теле жил великий злодей демонического культа из иного мира по имени Фэн Ао.

Стоя перед совершенно незнакомым домом, Фэн Ао чуть изогнул губы: вот она, его новая арена.

Фэн Ао потребовалось совсем немного времени, чтобы разобраться в своем положении. Человек, прошедший сквозь кровавые бури, если не обладает звериным чутьем и незаурядным умом, давно бы сгнил где-нибудь в канаве вместе со своими костями.

Старший сын-пустышка? Тоже неплохо. По крайней мере, это избавит его от лишних препятствий на пути к безопасному уходу. Пока он не овладел правилами этого нового мира, такой статус избавит его от множества хлопот.

В просторной гостиной собралось на редкость много людей: помимо старика Чжэна и четы Чжэн Цзиньчэна, здесь находились старик Чэн со своим старшим сыном и дочерью Чэн Вэй. Появились они здесь, конечно же, вовсе не ради выписки старшего сына семьи Чжэн, а по решению самого главы семейства Чжэн.

Чэн Вэй в этот момент крепко сжимала кулаки: то с силой стискивала их, то снова разжимала. Она наконец-то дождалась этого дня! Радость была даже сильнее, чем когда ее назначили личным помощником Чжэн Юйцина — она наконец-то обретет долгожданную свободу.

Пройдет совсем немного времени, и ее имя исчезнет из одной домовой книги с этим ничтожным мужчиной! Наконец-то они разведутся!

Развод Чжэн Цзиньфэна и Чэн Вэй был решен единолично стариком Чжэном за спиной у второго участника событий.

Когда Чжэн Цзиньфэн и Чэн Вэй поженились, причиной тому, безусловно, послужило и то, что Чэн Вэй носила под сердцем плод рода Чжэн, но главным фактором было отнюдь не это — у семьи Чэн имелось весьма неплохое происхождение.

Брачный союз испокон веков служил инструментом объединения интересов, ярлыком, подтверждающим союзнические отношения, и брак между семьями Чжэн и Чэн не был исключением.

Прошло более двадцати лет, и переплетение бесчисленных интересов связало семьи Чжэн и Чэн столь прочно, что отказ от этого громогласного ярлыка уже никак не мог на них повлиять. Так почему бы не позаботиться о счастье молодежи? Семья Чжэн отпускала женщину, которую уже было не удержать, а семья Чэн дарила дочери желанное счастье.

У семьи Чжэн, разумеется, были свои резоны на это согласие.

Как ни посмотри, а в деле о разводе Чжэн Цзиньфэна и Чэн Вэй со стороны семьи Чэн всё выглядело некрасиво. Изменяла дочь семьи Чэн; истериками доводила семью Чжэн до смертельного позора, лишь бы не жить со старшим сыном Чжэнов, тоже она. Семья Чжэн безупречно заняла позицию жертвы. И теперь, когда старик Чжэн сам дал добро на этот развод, разве это не огромная услуга семье Чэн?

А в семье Чэн прекрасно понимали: этот долг вежливости рано или поздно придется возвращать...

Слуга открыл дверь. Быть может, долгое ожидание заставило собравшихся в гостиной невольно устремить взгляды на вошедшего. Это движение вовсе не означало, что вошедший обладал какой-то важностью или притягивающей взор аурой — просто они ждали слишком долго! Какой-то жалкий Чжэн Цзиньфэн заставил их потерять больше часа.

Такие взгляды были самыми заурядными, и по идее фокус внимания должен был сместиться меньше чем за секунду. Но на этот раз, глядя на мужчину, который шагал в гостиную, расправив плечи навстречу солнечному свету, все почему-то замерли.

Красота Чжэн Цзиньфэна была фактом, не нуждавшимся в доказательствах — иначе Чэн Вэй в свое время никогда бы не согласилась выйти за него замуж. Однако эта оболочка была пустой, лишенной внутреннего содержания. Кто из присутствующих не видел Чжэн Цзиньфэна насквозь? Но сейчас представший перед ними мужчина — даже на мгновение — приковывал к себе все взгляды, от которых невозможно было оторваться!

Старик Чжэн подал голос первым:

— Вернулся.

В конце концов, это был его собственный сын, и к его внешности старик выработал самый стойкий иммунитет.

Его голос заставил остальных отвести глаза. Эта короткая заминка ни у кого не вызвала лишних мыслей — в конце концов, это всего лишь Чжэн Цзиньфэн, никому и в голову бы не пришло размышлять о такой бессмыслице, будто он изменился. Члены семьи Чэн думали лишь о том, что внешность этого мужчины становится всё более обманчивой. Тьфу, у этого Чжэн Цзиньфэна ничего, кроме этой физиономии, за душой и не осталось.

Чужие взгляды никак не задели Фэн Ао. Он постоял на месте пару секунд и с легким намеком на почтение кивнул:

— Да, отец.

Старик Чжэн не собирался ходить вокруг да около или смягчать слова, чтобы поменьше ранить сына. Он прямо произнес:

— Раз ты вернулся, давайте начнем. — Он взял из рук секретаря папку с документами и положил ее на стол. — Изначально здесь должен был присутствовать и Юйтин, но раз он за границей, я уже спросил его мнение. Он не против. Так что, Цзиньфэн, расписывайся здесь.

Фэн Ао без каких-либо возражений взял документы и принялся их листать. Читал он неторопливо, невольно заставляя остальных нервничать.

— Это... — лишь спустя долгое время он отложил бумаги и посмотрел на старика Чжэн с долей уместного в такой ситуации недоумения.

Старик Чжэн молчал. Не выдержавшая напряжения и гнева Чэн Вэй, сгорая от нетерпения, выпалила:

— Не притворяйся дурачком, Цзиньфэн! Мы дошли до этого чертовски далеко, и ты лучше кого бы то ни было знаешь, что вина лежит не только на мне. Столько лет прошло, вспомни хоть что-то хорошее обо мне, просто подпиши бумаги! Хватит уже мучить друг друга, давай разведемся! Это соглашение о разводе заверено нотариально, я не заберу из твоих вещей абсолютно ничего. Если хочешь компенсации, я выплачу ее.

— Развод?

Он не мог прочитать слова в документе, но самую суть Фэн Ао уловил прекрасно.

Соглашение о разводе — разве это не аналог письма об отлучении жены?

Фэн Ао изогнул губы.

Ха, а это оказалось донельзя забавно.

Он и не думал, что после перерождения столкнется с такой сценкой: какая-то жалкая женщина посмела дойти до такого безумия и открыто заявить о намерении бросить его, Фэн Ао? Пусть даже речь шла об изначальном владельце этого тела, раз тот уже мертв, эту пощечину понесет на себе не кто иной, как он сам, Фэн Ао.

Чэн Вэй приняла его молчание за нежелание разводиться, и в ее глазах тут же заблестели вполне искренние слезы:

— Цзиньфэн, умоляю тебя, давай...

Фэн Ао взмахом руки оборвал ее на полуслове.

Он подался вперед, протянул руку, ухватил Чэн Вэй за подбородок и приподнял ее лицо, разглядывая. Красива — даже с увядающей красотой в ней всё еще чувствовалась породистость. Только вот ни одна женщина не способна сохранить это постепенно увядающее очарование, когда ее лицо искажено столь свирепым выражением.

Прежде чем старики из семей Чжэн и Чэн успели прикрикнуть на него, Фэн Ао разжал пальцы, подумав про себя, что хоть этот Чжэн Цзиньфэн и был ничтожеством, вкусом на женщин обладал вполне сносным.

Он откинулся на спинку дивана и неторопливо произнес:

— Кажется, уважаемые присутствующие, у вас сложилось превратное мнение о моем характере.

Он медленно улыбнулся.

— В этом мире всегда было лишь одно правило: я сам решаю, что мне нужно, а что нет. Ты же еще не заслужила права умолять меня о разводе.

Гостиная погрузилась в жутковатую тишину.

Чэн Вэй недоверчиво широко распахнула глаза. Хотя нельзя было сказать, что она досконально знала сидящего перед ней мужчину — она всегда считала ниже своего достоинства тратить на него время, — сейчас этот мужчина с улыбкой произносил столь безумные речи, и от этого он казался пугающе чужим.

Разве мог эти слова произнести тот никчемный Чжэн Цзиньфэн?

Никто из присутствующих не верил собственным ушам. Старик Чэн после мгновенного шока вспыхнул гневом. Он-то думал, что Чжэн Цзиньфэн просто слаб и бесполезен, но при этом хотя бы вежлив и обладает манерами высшего света, а тот оказался на редкость бесцеремонным и самонадеянным глупцом!

Старик Чэн холодно усмехнулся:

— И что же, по-твоему, ты намерен делать?

Все в комнате почувствовали его гнев. Старик Чжэн нахмурился, а Чжэн Цзиньчэн, умело считывая атмосферу, понизил голос и мягко произнес:

— Старший брат, прекрати нести чушь. Это решение отца, и оно принято во благо тебе. Не смей идти против его воли.

Только теперь Фэн Ао бросил на него взгляд.

Этот так называемый младший брат обладал изрядным коварством: всего одной фразой он пытался выставить его бунтарем, идущим против отца.

Фэн Ао был наслышан о прошлом и нраве Чжэн Цзиньфэна и прекрасно понимал, что тот ни в малейшей степени не угрожал этому человеку. И раз уж даже при таких вводных данных тот не жалел сил на интриги и ловушки, значит, этот братец — человек глубоко расчетливый, но при этом с весьма мелочной душонкой.

Как Чэн Вэй, так страстно желавшая свободы, могла стерпеть отказ Чжэн Цзиньфэна? В ярости она вскочила на ноги:

— Чжэн Цзиньфэн! Сегодня здесь присутствуют и твой отец, и мой. Я сохраняю лицо и по-хорошему прошу тебя, так не будь же столь неблагодарным! — Заметив, что Фэн Ао никак не

реагирует, она почувствовала странное беспокойство, но у нее уже не было сил разбираться, что он имеет в виду. — Сегодня ты обязан подписать бумаги во что бы то ни стало! Не заставляй меня подавать на развод через суд!

— Чэн Вэй! — оборвал ее старший брат. Он силой усадил сестру обратно, бросил взгляд на ее отца и старика Чжэна и тихо предостерег: — Говори осторожнее. — Он сжал руку сестры, давая понять, что раз здесь сидит старик Чжэн, то стоит следить за своими манерами.

Старик Чжэн с исследовал взглядом резко изменившегося сына: поведение Фэн Ао, столь непохожее на прежнего Чжэн Цзиньфэна, вызывало у него вопросы, но еще больше — глухое раздражение. Ради какой-то женщины он совсем потерял голову! Устраивать такие сцены перед семьей Чэн — неужели он думает, что своими истериками сможет хоть что-то вернуть?

Подобно старику Чжэну, все присутствующие приписали нынешнее поведение Фэн Ао попытке отчаянно защитить уязвленную разводом гордость.

Старик Чжэн холодно произнес:

— Цзиньфэн, какое бы отношение ты ни проявлял, сегодня ничего не изменится. — Тростью он пододвинул папку с соглашением о разводе ближе к сыну, и смысл этого жеста был более чем очевиден.

Фэн Ао, однако, одернул рукава и поднялся на ноги.

Не дожидаясь, пока кто-либо успеет что-то сказать, он произнес:

— Не поймите меня неправильно. Я не против развода.

<http://bllate.org/book/22486/2370841>